

ДИАЛЕКТЫ ВЕПССКОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ*

ЗАЙЦЕВА Нина Григорьевна,

*доктор филологических наук, заведующий сектором языкознания
ФГБУН «Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН»
(г. Петрозаводск, РФ), zng@ro.ru*

Введение. Вепсский язык является языком малочисленного народа. Сегодня предпринимаются успешные попытки его ревитализации. С 2012 г. ведется работа по составлению «Лингвистического атласа вепсского языка», призванного пролить свет на праприбалтийско-финские рефлекс фонетического, грамматического, лексического характера, на инновационность вепсского языкового материала, на следствия языковых контактов, в конечном счете – на проблемы формирования диалектных ареалов вепсского языка.

Материалы и методы. В русле метода лингвистической географии исследовался диалектный материал вепсского языка, собранный с помощью специального вопросника «Лингвистического атласа вепсского языка», и из всех возможных архивных и опубликованных источников, содержащих его четкую паспортизацию и привязку к пунктам функционирования.

Результаты исследования и их обсуждение. В статье представлена история исследования диалектов и говоров вепсского языка, а также на материале вариантов трех лингвистических карт (вепсскоязычных именованных понятий 'мягкий', 'чердак', 'змея') проиллюстрированы некоторые принципы составления «Лингвистического атласа вепсского языка», отражающие этимологической природой праприбалтийско-финские или финно-угорские рефлекс вепсской лексики, а также ее инновационный или заимствованный характер.

Заключение. Представленные материалы позволяют наблюдать развитие центральных ареалов вепсского языка, часто демонстрирующих древние праприбалтийско-финские языковые рефлекс наряду с возникновением различного рода инноваций. Территории периферийных регионов (восточновепские говоры Бабаевского района Вологодской области) в их нынешнем состоянии выражают отчаянную волю к сохранению собственной языковой системы, прежде всего лексики, являющейся наследием древневепсского языка. Вепское начало, будучи в названном пограничном регионе частично утраченным, проявляется в сохранении уже ушедших или практически забытых даже центральными говорами лексем, сказываясь на формировании диалектных ареалов. Это позволяет высказать идею об особом стремлении крайних говоров сохранить свою идентичность и особенности по сравнению с языками окружающего их населения.

Ключевые слова: вепсский язык; лингвистическая география; языковые ареалы; этимология.

Для цитирования: Зайцева Н. Г. Диалекты вепсского языка в контексте лингвистической географии // Финно-угорский мир. 2017. № 3. С. 6–22.

Введение

Как известно, вепсы проживают в России на стыке Республики Карелия, Ленинградской и Вологодской областей. По переписи населения 2010 г., в России назвали себя вепсами 5 936 человек, из них в Карелии – 3 423 человека, в Ленинградской области – 1 380, в Вологодской области – 412 человек. Сокращение численности вепсского населения, снижение уровня владения языком беспокоит вепскую общественность и ученых, а также государственные органы власти [10, 21–22]. Язык вепсов внесен в «Красную книгу

языков народов России» [11]. В 2000 г. постановлением Правительства Российской Федерации вепсы были включены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, которые находятся под особой защитой государства [22, 13].

Названные меры призваны стимулировать работу по ревитализации вепсского этноса, сохранению его языка и культуры, возвращению активного двуязычия, чему должно способствовать и обучение вепсскому языку в школах. В Карелии созданы учебники для школ и вузов, разговорники, двуязычные и орфографические словари, на вепсском языке издаются газета «Kodima» («Родина»), ежегодный литературный альманах «Verez tullei» («Свежий

* Статья подготовлена в рамках плановой темы «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада Российской Федерации: лингвистические исследования в социокультурном контексте» («Вепские этимологические исследования в контексте ареальной лингвистики»).

ветер»), журнал для детей «Kipinä» («Искорка»), ведутся еженедельные теле- и радиопередачи.

Все это стало возможным благодаря накоплению вепского языкового материала и тем научным изысканиям, которые проводились и проводятся в области вепского языка.

Обзор литературы

Для выяснения вопроса о диалектах необходимо наличие значительного языкового материала из всех регионов проживания народа. Накопление такого материала на вепском языке, решение проблемы о диалектном членении вепской речи было непростым. Поездки в места расселения вепсов стали предприниматься относительно поздно. Вначале их осуществили финские лингвисты и этнографы, которые посетили вепские населенные пункты в первой половине XIX в., эпоху расцвета младограмматизма [9].

Первооткрывателем вепсов считают академика Российской академии наук А. Шегрена, совершившего две поездки на территории вепсов – в 1824–1825 и 1827 гг. Он оставил записи, которые касаются, прежде всего, строения слов, но, к сожалению, они не введены в научный оборот. После этого земли вепсов посетили многие ученые из Финляндии. Причем их интерес к материалам вепского языка в тот период (для него характерно особое внимание к истории развития языковых фактов) был настолько велик, что с легкой руки Е. Д. Европеуса вепский язык стали называть даже «прибалтийско-финским санскритом» [27, 22], считая его в чем-то кладзем древности. Эта идея об особой архаике языка вепсов побуждала финских языковедов при объяснении проблем истории развития сравнивать факты финского языка и вепского, активно использовать его материалы в сравнительно-исторических исследованиях. Авторы исследовали особенности вепского языка, роднящие его, в первую очередь, с финским языком.

В 1842 г. у вепсов побывал Э. Леннрот, интерес которого, прежде всего, заключался в сборе возможного вепского эпи-

ческого наследия. Ученому не удалось его обнаружить, однако материалы вепского языка сослужили ему большую службу, поскольку именно благодаря им он защитил докторскую диссертацию и получил звание профессора Хельсинкского университета [32]. Отметим, что в своей работе Леннрот еще не упоминал о диалектном членении вепской речи.

Затем в 1855 г. вепсов посетил А. Алквист. Его путешествие охватило земли более северной группы вепсов (среди них Шелтозеро и Шимозеро). Он уже попытался сделать некоторые замечания о диалектных особенностях вепского языка, выделив в нем два диалектных ареала: прионежский (вдоль Онежского озера) и приоятский (вдоль р. Оять почти до Белого озера) [24, 50–51].

В 1877 г. на земли вепсов совершил поездку Х. Басильер. Это были поселения бывшей Исаевской волости, которые в свое время посетил Э. Леннрот. По мнению Х. Басильера, у представителей местных говоров «...много общих черт с северными, а еще больше с приоятскими вепсами...» [26, 56]. Данную группу стали называть восточными вепсами. Сегодня в этих местах нет ни вепского населения, ни следов их языка. Лишь некоторое количество топонимов подтверждает бывшее присутствие здесь иного населения, кроме русского. Термином же «восточные вепсы» со временем стали называть периферийные говоры вепсов Вологодской области на стыке Бабаевского и Вытегорского районов в противоположность группе западных, или приоятских, вепсов, что поделило средневепский диалект на две группы говоров: восточные и западные.

Известный исследователь исторической фонетики прибалтийско-финских языков Э. Сетяля также совершил две поездки на земли вепсов – в 1889 и 1916 гг. Именно после них финские исследователи вепского языка Л. Кеттунен и Э. А. Тункело, которые и сами предприняли неоднократные поездки в места расселения вепсов, осмыслили собранные материалы и пришли к заключению о выделении в языке вепсов трех диалектов – северновеп-

ского, или прионежского, средневепского и южновепского – и наиболее полно охарактеризовали их [30; 36, 15–17].

Коллекции веписких данных финляндских исследователей представляют исключительный интерес, поскольку систематический сбор вепиского материала был начат ими почти на сто лет раньше, нежели отечественными лингвистами. Для языка, который не обладал письменной традицией и большую часть своего существования являлся лишь языком домашнего очага, эти первые записи можно считать своеобразной письменной историей, хранящей сведения о более древнем состоянии вепиской речи. Именно данные материалы дают некий разбег во времени при интерпретации фактов истории вепиского языка. Экспедиционные выезды на земли веписов совершали и эстонские ученые (Т.-Р. Вийтсо, А. Кяхрик, М. Йоалайд, К. Салве, М. Арукаск и т. д.), проявляя интерес и к языку, и к фольклору, и к этнографии вепиского народа. Из их трудов можно также выделить надежные для диалектолога сведения, характеризующие вепиские языковые ареалы [см., например, 37].

В России интерес к вепискому языку, его культурному наследию определен лишь в начале XX в. Были совершены экспедиции в места расселения вепиского этноса, его данные стали использоваться в научных трудах, представляться на картах атласов.

В советское время наиболее активно веписким языком занимались в Карелии, в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (ИЯЛИ КарНЦ РАН). Первые поездки для записи вепиского диалектного материала его сотрудниками были предприняты в начале 1950 г. Всего было совершено более полутора сотен различного рода поездок во все регионы проживания веписов (карта 1). Коллекция веписких материалов Фонограмархива Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН является, по всей видимости, самой представительной в научном мире, насчитывая более 400 часов записей различного характера: бытовые записи, этногра-

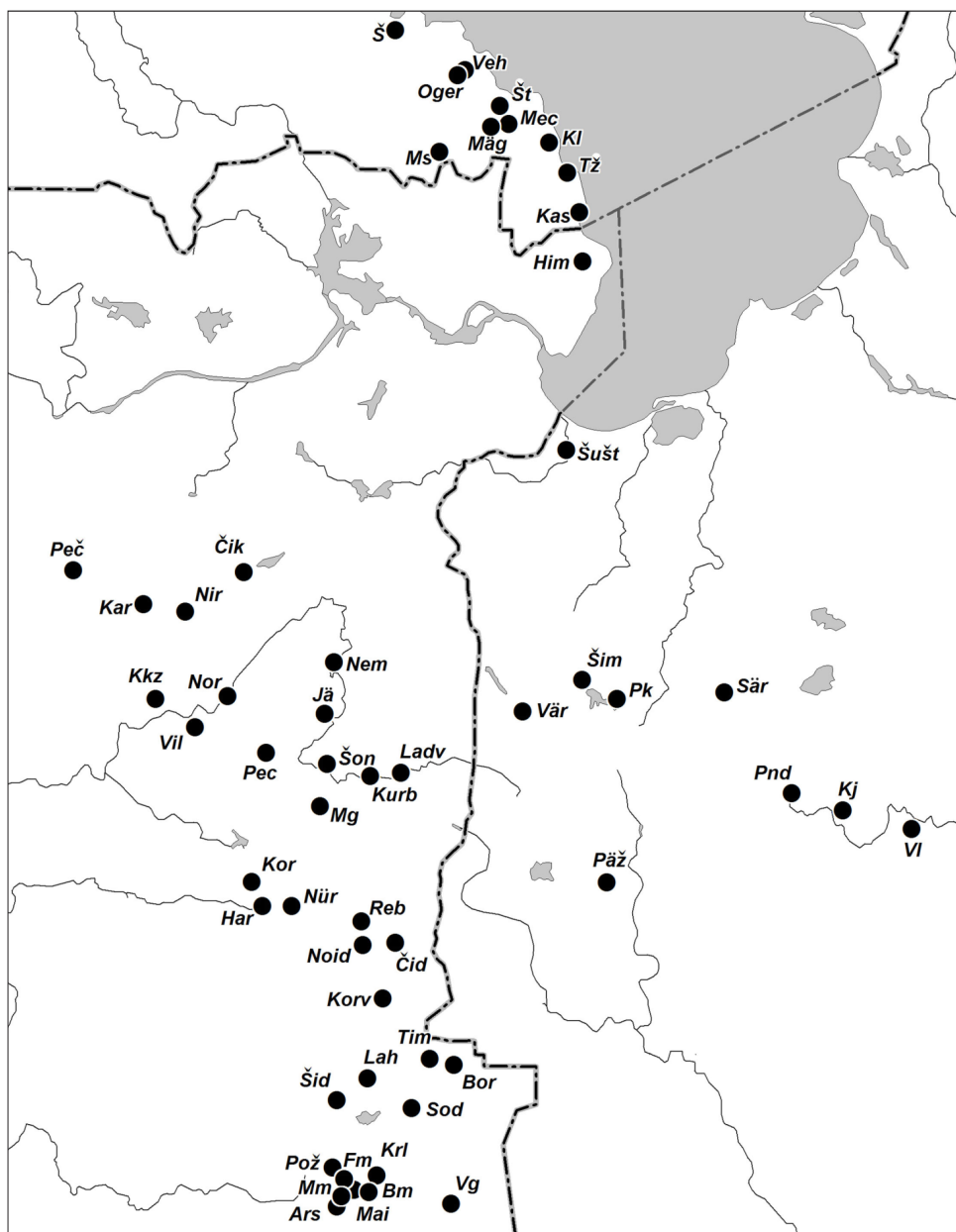
фические зарисовки, фольклорные материалы, ономастический материал.

В целом, благодаря полевому обследованию веписких диалектных регионов учеными Финляндии, Эстонии, России, а также научным изысканиям в области вепиского языка уже определены границы диалектных регионов и их основные особенности.

Как уже было отмечено выше, деление вепиского языка на три диалекта было совершено финскими лингвистами, а позднее принято как соответствующее действительности и развито российскими исследователями. Оно прежде всего было связано с географическим положением регионов проживания вепиского народа. Земли расселения веписов никогда не образовывали единое административное целое. Они входили частично в Олонецкую губернию, частично в Новгородскую и Санкт-Петербургскую, причем границы в разное время менялись. А еще раньше вепиские территории были частями Обонежской пятины. В X–XIII вв. они подчинялись древней Ладобе, образуя так называемый Обонежский ряд [16, 3]. Идея заселения единой территории одним народом практически никогда не учитывалась, что, конечно, сказалось на формировании диалектных ареалов вепиского языка, добавив в них разнообразие.

Вепиские диалектные материалы представлены во многих источниках: образцах речи, словарях, атласах, активно использовались в трудах финно-угроведов, однако нельзя утверждать, что проблемы вепиской диалектологии можно считать изученными. Напротив, в полном объеме особенности всех диалектов даже не выявлены. Не исследованы переходные зоны, нет четкого представления об отличиях в области фонетики, грамматики, лексики, не названы главные маркеры диалектной речи ареалов. Все это не дает возможности сформулировать пути исторического складывания диалектов, охарактеризовать генезис их особенностей, определить тенденции развития.

Осознав эти проблемы, группа лингвистов в 2012 г. при поддержке РГНФ (проекты № 12-04-00081 2012–2014 гг.;

Карта 1. Маршруты экспедиций сотрудников ИЯЛИ КарНЦ РАН на вепские территории

№ 5-04-00063 2015–2017 гг.) приступила к работе по созданию лингвистического атласа вепского языка. В последнее время лингвогеографические исследования финно-угорских языков стали исключительно популярными. Очевидно, шло длительное накопление материала, без которого атласы не могут быть подготовлены, и теперь эти материалы стали оформляться в лингвистические или диалектологические атласы.

Материалы и методы исследования

В настоящее время вепский язык особенно активно исследуется с позиций лингвистической географии. Он уже выступал объектом двух лингвистических атласов: «Лингвистического атласа Европы» и «Лингвистического атласа прибалтийско-финских языков» [25]; последний из них был подготовлен международным коллективом авторов из Фин-

ляндии, Эстонии и Карелии¹. Атлас проиллюстрировал, что вепсский язык обладает рядом черт, которые роднят его в большей или меньшей степени с другими прибалтийско-финскими языками.

Идея подготовки самостоятельного «Лингвистического атласа вепсского языка» возникла еще во времена Д. В. Бурбиха. Ученые-вепсологи Н. И. Богданов и М. М. Хямяляйнен в 1940-е гг. составили вопросник по сбору материала для атласа вепсского языка. Остается сожалеть, что в то время, когда количество пунктов с вепским населением было значительно больше, работа по созданию атласа не была проведена из-за отсутствия кадров. При написании нового вопросника коллектив его составителей ориентировался на решение следующих задач:

- 1) выявление в диалектах элементов прибалтийско-финского наследия;
- 2) определение в них фонетических, грамматических и лексических особенностей, являющихся вепскими инновациями;
- 3) установление следов языковых контактов с родственными и неродственными народами, которые могут быть по-разному представлены в различных группах говоров.

Соотношение всех названных параметров в диалектах различается, и именно оно сказывается, прежде всего, на формировании диалектных ареалов любого языка, в том числе вепсского.

В начале 2010-х гг. вопросник атласа вепсского языка был дополнен и отредактирован с учетом всего комплекса исследований по языку вепсов. Вопросник включил в себя 395 вопросов: 83 – по фонетике, 46 – по грамматике, 265 – по лексике.

За 2012–2013 гг. вопросники были заполнены в полевых условиях в 30 вепсских пунктах, где еще можно было побеседовать со знатоками языка по-вепски и выявить нюансы того или иного вопроса. Одновременно определился круг ис-

точников, из которых можно было почерпнуть с максимальной точностью (с указанием пунктов фиксации) ответы на вопросы по искомым моментам и явлениям. Всего на лингвистическую карту таким образом было нанесено 75 пунктов, хотя далеко не из всех необходимый материал можно было получать регулярно.

В данной статье освещен ряд моментов, связанных с проблемами лексического характера. Следует отметить, что изучение лексики вепсского языка находится на этапе сбора языкового материала. Имеется значительное количество образцов вепсской диалектной речи [10, 17–27], а также подготовлен диалектный словарь вепсского языка [8]. Однако нет трудов, где в качестве объекта исследования выступала бы лексика вепсского языка.

Можно назвать лишь кандидатскую диссертацию Н. И. Богданова «История развития лексики вепсского языка», выполненную на заре отечественного вепсоведения [1]. Ученый наметил пути выявления в лексике вепсского языка следов германских, балтийских, славянских и древнерусских контактов. В диссертации Н. И. Богданова, которая известна по автореферату и нескольким опубликованным статьям, обозначены некие приоритеты в исследовании проблемы, прежде всего в определении результатов контактов вепсов с родственными и неродственными народами.

Кроме того, история ряда вепсских лексем предложена в этимологических словарях финского языка [28; 34; 35], если они имелись в распоряжении авторов словарей и этимологически входили в описываемые словарные гнезда. Отчасти вепсская лексика отражена в этимологическом словаре эстонского языка Ю. Мягисте [33].

Любопытные идеи относительно истории многих прибалтийско-финских, в том числе вепсских, лексем можно обнаружить в работах С. А. Мызникова – крупного специалиста в области прибалтийско-финско-русских языковых контактов и, в первую очередь, проявляе-

¹ В работе над атласом с момента зарождения идеи о нем и в течение всего проекта принимала участие автор статьи.

ний следов этих контактов в севернорусских говорах. Работы этого ученого свидетельствуют о том, что многие вепские лексемы продолжают жизнь, выйдя за пределы своего языка, встроившись в лексическую систему севернорусских говоров, имея «...в зависимости от места или времени фиксации... субстратную либо заимствованную природу» [18, 25]. Подобные рассуждения требуют серьезной работы при изучении распространения и фиксации иноязычной лексики, а также познаний в истории развития языка, в этимологической характеристике лексем. Тем интереснее было встретить следы таких разработок в монографии С. А. Мызникова «Русские говоры Обонежья» и на страницах его «Атласа субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада» [17; 18]. Выявленные этимологии можно с успехом использовать и при освещении проблем вепской лексики.

Существенный вклад в познание развития вепской лексики своими научными трудами вносит исследователь вепской ономастики И. И. Муллонен [12–16]. Ей удалось реконструировать ряд утраченных вепских лексем и вернуть их изначальную семантику. Отдельные лексемы были восстановлены и сейчас активно служат младописьменному вепскому языку (например, **vadag* ‘низкий заболоченный покос’ < *Vadoja, Vadagso* [12, 99]). Подобные реконструкции плодотворны для исследования истории развития лексики и семантики языков, которые не обладают памятниками письменности и где нет возможности строить изучение лексики и семантики на сравнении их развития в разные периоды существования языка.

Интересны и исследования, которые посвящены различным семантическим группам лексики. Например, слабо изучены названия растений в вепском языке. В «Словаре вепского языка» [8], отражающем именно диалектную лексику, они представлены далеко не в полном объеме. Причем эта группа лексики исчезает из памяти носителей языка, и не каждый информант сможет на-

звать больше десятка растений на родном языке. Тем ценнее интерес петербургского исследователя И. В. Бродского к данной группе лексики. Он обращается к названиям растений на широком финно-угорском фоне: на материале прибалтийско-финских, коми языков; проводит сравнения с родственными и неродственными языками, существовавшими некогда рядом или контактирующими и в настоящее время. В поле его зрения находятся и названия растений в вепском языке [2], представляющие интерес для «Лингвистического атласа вепского языка».

Любопытные выводы по поводу лексики, наиболее связанной с фольклорными текстами, с контекстом народной культуры, делает в своих исследованиях О. Ю. Жукова [6], что использовано ею и в интерпретации некоторых лексем готовящегося «Лингвистического атласа вепского языка».

Как показал сбор материала, часть вопросов не способствовала построению информативных карт. Прежде всего, это совершенно одинаковые по диалектам именованию понятия, которые в отдельных случаях не дают даже фонетической информации, например *hab* ‘осина’, *kon-di* ‘медведь’, *händikaz* ‘волк’, *vezi* ‘вода’, *kodi* ‘дом, родной дом’, *lahn* ‘лещ’ и др. Тем не менее какие-то единицы, как и выбранные для данной статьи, оказались информативными и помогли выявить определяющие моменты развития словарного фонда вепского языка. Они маркируют центральные диалектные зоны и периферию и позволяют характеризовать их формирование.

Результаты исследования и их обсуждение

‘Мягкий’ по-вепски (266²)

При именовании понятия ‘мягкий’, т. е. «легко поддающийся давлению, эластичный», в вепском языке используются всего два прилагательных: *pehmed* и *hobed*.

Наиболее употребительна лексема *pehmed*, которую считают прибалтийско-

² Здесь и далее в статье указан номер вопроса из «Вопросника атласа вепского языка» [3, 7–46].

финской по происхождению, относя ее к дескриптивному слою слов [35]. Она объединяет все средневепские западные говоры и северновецкий диалект.

Лексема же *hobed* не настолько популярна. В нашем случае собранные в полевых условиях с помощью вопросника «Лингвистического атласа вепского языка» в 2013–2014 гг. материалы противоречат «Словарю вепского языка» [8], содержащему помету PnD-Št (Пондала–Шелтозеро), что свидетельствует о повсеместном употреблении лексемы *hobed* в диалектах вепского языка в значении ‘мягкий’. Отметим, что и в иллюстрациях к слову в словаре представлены лишь примеры из восточновецкого пункта Пондала (Pnd). Сбор материала показал, что в значении ‘мягкий’ данное слово встречается лишь в южновецком диалекте, а также в периферийных восточновецких говорах восточной окраины Бабаевского и Вытегорского районов Вологодской области.

Лексема *hobed* (ср.: фин. *hopea* ‘серебро’) имеет прибалтийско-финское происхождение [35]. Исследователи-этимологи приводят также соответствие данной лексемы в саамском языке (*suohpē*), где ее основное значение ‘мягкий, гибкий’ [35] совпадает с южновецким и восточновецким. Любопытно, что, по мнению этимологов, значение ‘мягкий’ и является первоначальным значением лексемы, обладающей в вепском языке формой *hobed* [28]. В карельских наречиях, судя по данным словарей, подобное значение у лексемы *hopie/hobju* отсутствует; она употребляется здесь, как и в других прибалтийско-финских языках, а также в говорах северных и западных вепсов, лишь в значении ‘серебро’.

Таким образом, южновецкий диалект и периферийные восточновецкие говоры демонстрируют единство, свидетельствуя об общности неких процессов, а также в данном случае о сохранности древнего прибалтийско-финского значения слова *hobed*, свойственного, кроме указанных вепских пунктов, еще и саамскому языку (карта 2).

‘Чердак’ по-вепски (341)

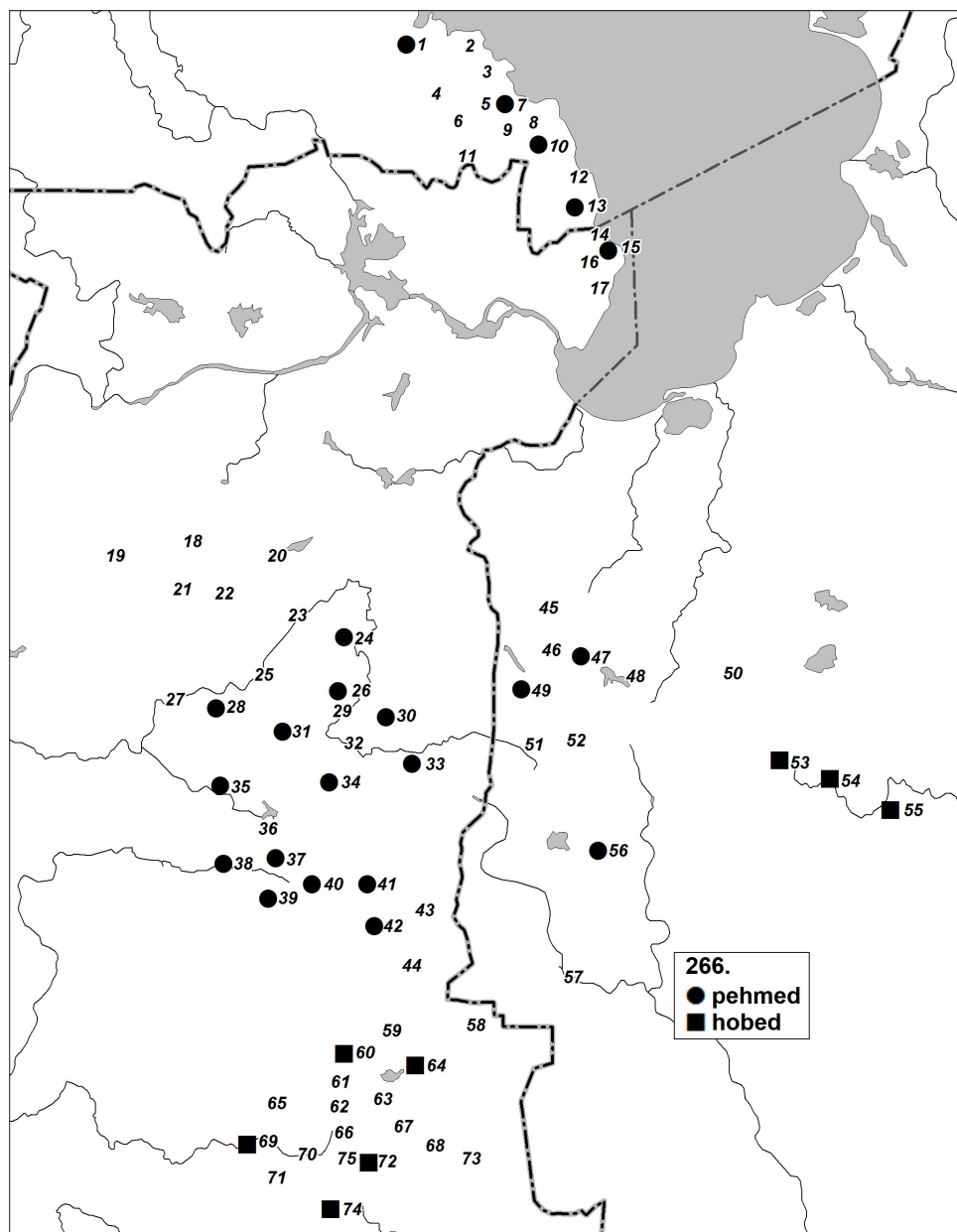
Именования понятия ‘чердак’ относятся к строительной терминологии. Далеко не везде вепсы оборудовали чердаки, которые являлись бы жилым помещением между потолком и крышей дома и обладали действительным хозяйственным назначением. Вполне возможно, именно поэтому в вепском языке не возникло каких-либо специальных терминов для именования данного понятия.

Некоторые лексемы, относящиеся к искомому семантическому ряду, заимствованы из русского языка: *čordak* (< рус. *чердак*), *višk* (< рус. *вышка*). В последнем случае интересен фонетический момент: особое освоение гласного звука *ы*, не характерного для языка вепсов. В ряде говоров средних вепсов слово звучит практически как в русском языке и звук *ы* выглядит полностью освоенным: *višk*, *višk*. В других говорах *ы* передается звукоочетанием *-ui-* – *vuišk*. Подобная передача звука *ы* была отмечена и в лексеме *muil* ‘мыло’, являющейся древнерусским заимствованием [35].

В языке вепсов была попытка создать особый термин для обозначения данной семантики, что представлено и на нашей лексической карте – это сложное слово *pertin/süädäin* (букв. внутренность дома, внутренняя часть дома). Судя по тому, что оно зафиксировано и в северновецком, и в средневецком диалектах, корни номинации восходят к правепскому языку. Однако слово не получило широкого распространения.

При именовании понятия ‘чердак’ были попытки приспособить иные собственно вепские слова, расширяя их значения. В качестве примера приведем слово *lagi*, которое известно во всех диалектах вепского языка, как и в иных родственных языках, в значении ‘потолок’ [8]. В этом случае перенос значения лексемы *lagi* на ‘чердак’ понятен. Подобное значение более всего характерно для южновецкого диалекта.

В значении ‘чердак’ в настоящее время наиболее распространено слово *čuhu*, известное во всех диалектах, кроме того, и в значении ‘конек крыши’ [8]. Довольно

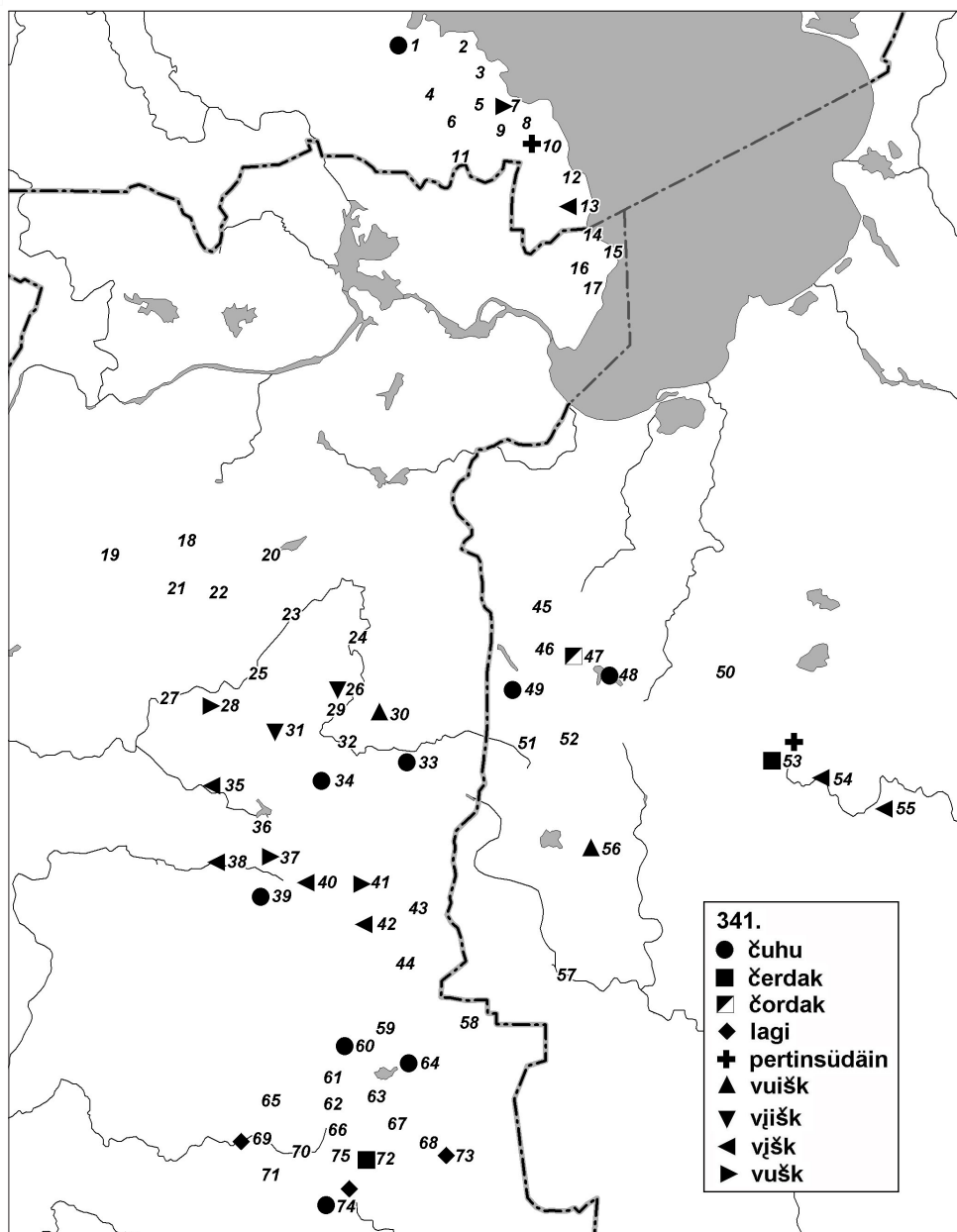
Карта 2. Именования понятия 'мягкий'

широко названное слово употребляется в значении 'выше краев, с верхом': *toda puzuine marjoid čuhunke (čuhume)* 'принести корзинку ягод с верхом'. Этимологические словари финского языка никаких сведений по поводу происхождения лексемы не содержат. Исследователи-топонимисты лексему *čuhu* считают вепским топонимическим термином, основное назначение которого состоит в указании на возвышенные участки, т. е. «... в ее семантике заключен признак высоты,

возвышения над окружающими реалиями» [12, 112].

О том, каким образом слово *čuhu* приобрело семантику строительных терминов 'конек крыши' и 'чердак', в качестве предположения выскажем идею относительно близости фонетического облика слов *čuhu* и *čugu*. *Čugu* – это 'поросенок', которого подзывают *čuh*, *čuh*. В свою очередь, этимологический словарь финского языка включает слова *čugu* 'поросенок' и *šiga* 'свинья' в одно этимологическое

Карта 3. Именования понятия ‘чердак’

гнездо [34]. Можно задаться вопросом, не являются ли значения слова *čuhu* ‘конек крыши’ и ‘чердак’ отражением одного из способов строительства домов русскими соседями, у которых «...чердачная часть дымохода, соединяющая печь с трубой...», называется *свиньей* [21]? Далее было возможно расширение значения вепского слова *čuhu* ‘возвышенность; нечто, расположенное выше краев’ до ‘чердака’ и ‘конька крыши’. И, таким образом, можно полагать, что *čuhu* в значении ‘ко-

нек крыши’ и ‘чердак’ могло бы быть русской семантической калькой, появившейся, возможно, и при поддержке народной этимологии.

В любом случае мы согласны с мнением исследователя вепской ономастики И. И. Муллонен, что редкую лексику *čuhu* следует считать самостоятельным вепским лексическим наследием, возможным, не имеющим параллелей в других прибалтийско-финских языках [16, 177] (карта 3).

‘Змея’ по-вепски (186)

Относительно именованя понятия ‘змея’ нельзя быть абсолютно уверенным, что собранный материал идентичен в диалектных ареалах, иначе говоря, за одним словом могут скрываться разные виды змей. Исследователь мифологии вепсов И. Ю. Винокурова, изучая роль и место животных в традиционном мировоззрении вепского народа, пришла к выводу, что «... когда-то у вепсов существовала более древняя классификация, различающая змей по цвету кожи... Все они (змеи), по видимому, представляют собой семейство обыкновенных гадюк...» [4, 153].

Отметим, что цвет кожи змеи часто упоминается в таком наиболее мифологическом и древнем жанре вепского фольклора, как заговоры. Хотя из самих текстов заговоров от укуса змеи не ясно, сказывался ли ее цвет, если можно так выразиться, на «ядовитости» укуса, например: *Must kü, hahk kü, kir'g'au kü, vauged kü, vaskne kü, tundod, kus kodi? Koivus kodi, aidakočkus elo...* ‘Черный змей, серый змей, пестрый змей, белый змей, медный змей, знаешь, где дом? На березе дом, в закоулке житье...’ [7, 121].

Сегодня из обрывочных наблюдений вепских знатоков природы трудно установить какие-либо более точные характеристики змей. Для вепсов даже уж – это змея, поскольку они не отличали ужа от гадюки и боялись его. Тем не менее на основе собранного с помощью вопросника атласа материала можно попробовать провести анализ и построить лингвистическую карту вепских именованй этого довольно любопытного понятия.

Наиболее экзотичной для языка вепсов является лексема *kü*, которая широко употребляется во всех мелких поселениях войлахотского куста деревень (VI) на востоке периферийного восточновепского ареала, а также была зафиксирована в свое время авторами «Словаря вепского языка» [8] в находящейся поблизости Пондале (Pnd); однако в полевых условиях в настоящее время в этом пункте ее уже не удалось выявить.

При сборе материала в 2013–2014 гг. лексема *kü* была отмечена довольно узко.

В речи северных вепсов ее невозможно обнаружить. Однако образцы вепской речи, записанные финляндскими учеными в первой половине XX в., позволяют расширить былое функционирование лексем. В образцах северновепской речи А. Совиярви и Р. Пелтола в пос. Шокша (Š) встречаются экзотичные варианты этого слова – *kija* и *kihi*:

*Kija, kija, kijakaine,
hahk kija, vouget kija,
kird'av kija, must kija...* [38; 34–35].

‘Змея, змея, змейка,
серая змея, белая змея,
пестрая змея, черная змея...’.

В данном случае в слове *kija* в первом слоге произошли сужение звука *ü* и переход его в *i* (явление, типичное для северновепского диалекта: *kül'min / kil'min* ‘(я) замерз(ла)’ [10, 66–67]). Однако откуда в вепском слове *kija* появился еще один слог, совсем не ясно. Любопытно, что по свидетельству этимологического словаря в мордовских языках оно представлено также в двусложном варианте *kijov* ‘змея’ [35], разительно напоминающем вепское слово.

В этом же вепском пункте Шокша (Š) представлен и другой, не менее экзотичный, вариант слова – *kihi*, где во втором слоге возник согласный *h* и слово напоминает нечто дескриптивное, шипящее:

*Kihi, kihakeine,
hahk kihakeine,
vouget kihakeine,
kird'av kihakeine,
must kihakeine...* [38, 34].

‘Змея, змейка,
серая змейка,
белая змейка,
пестрая змейка,
черная змейка...’.

Таким образом, следует привлечь внимание к тому факту, что восточновепские периферийные говоры сохранили редкую лексему *kü*, былое распространение которой, судя по фольклорным записям, было несколько шире (с захватом и северновепских говоров). В прибалтийско-финских языках лексема *kuu* встречается довольно редко. Например, в словаре ливвиковского наречия

карельского языка Г. Н. Макарова [19], в словаре карельских тверских говоров А. В. Пунжиной [20], в людиковском словаре Ю. Куёла [31] она отсутствует. Лексема отмечена лишь в большом словаре карельского языка на самом севере собственно карельского ареала в пунктах Кестеньга, Ухта, Реболы, Вокнаволок в значении 'змея' с пометой «поэтическое», где она, скорее всего, является финским заимствованием [29]. К. Хяккинен в этимологическом словаре финского литературного языка для вепсского слова также поставила помету «фольклорное», хотя в восточном войлахотском говоре лексема *kii* – единственное именование понятия 'змея' и употребляется в любом контексте.

Установление происхождения другого именования понятия 'змея' – *mado*, широко представленного в вепсских ареалах с севера на юг, по мнению финского этимолога К. Хяккинен, довольно проблематично [28]. Она считает, что предполагаемое некоторыми исследователями объединение лексем с глаголом *mataa* 'ползти, медленно двигаться' не является плодотворным, поскольку этот глагол и сам не имеет достаточно убедительной этимологии. Другая версия связывает названную прибалтийско-финскую лексему с германскими языками [35].

В ряде говоров вепсского языка в качестве именования понятия 'змея' употребляется лексема *vaskič* (< фин. *vaski*, вепс. *vas'k* 'медь'). Несомненно, она известна в вепсских говорах значительно шире, нежели показывают материалы атласа, но по каким-то причинам не попала в поле зрения собирателей. В русских диалектах, по свидетельству В. И. Даля, «медяница, медянка – два различного рода змей: одна полуящерка, маленькая, медянистого цвета, хрупкая, неядовитая (*Anguis fragilis*); другая же побольше, голова шире тела, ядовитая (*Vipera cherssea*)» [5], что, возможно, наложило семантический отпечаток и на язык вепсов. Для всех прибалтийско-финских языков относительно этой лексемой также характерны подобный разброс и неопределенность в значениях [35].

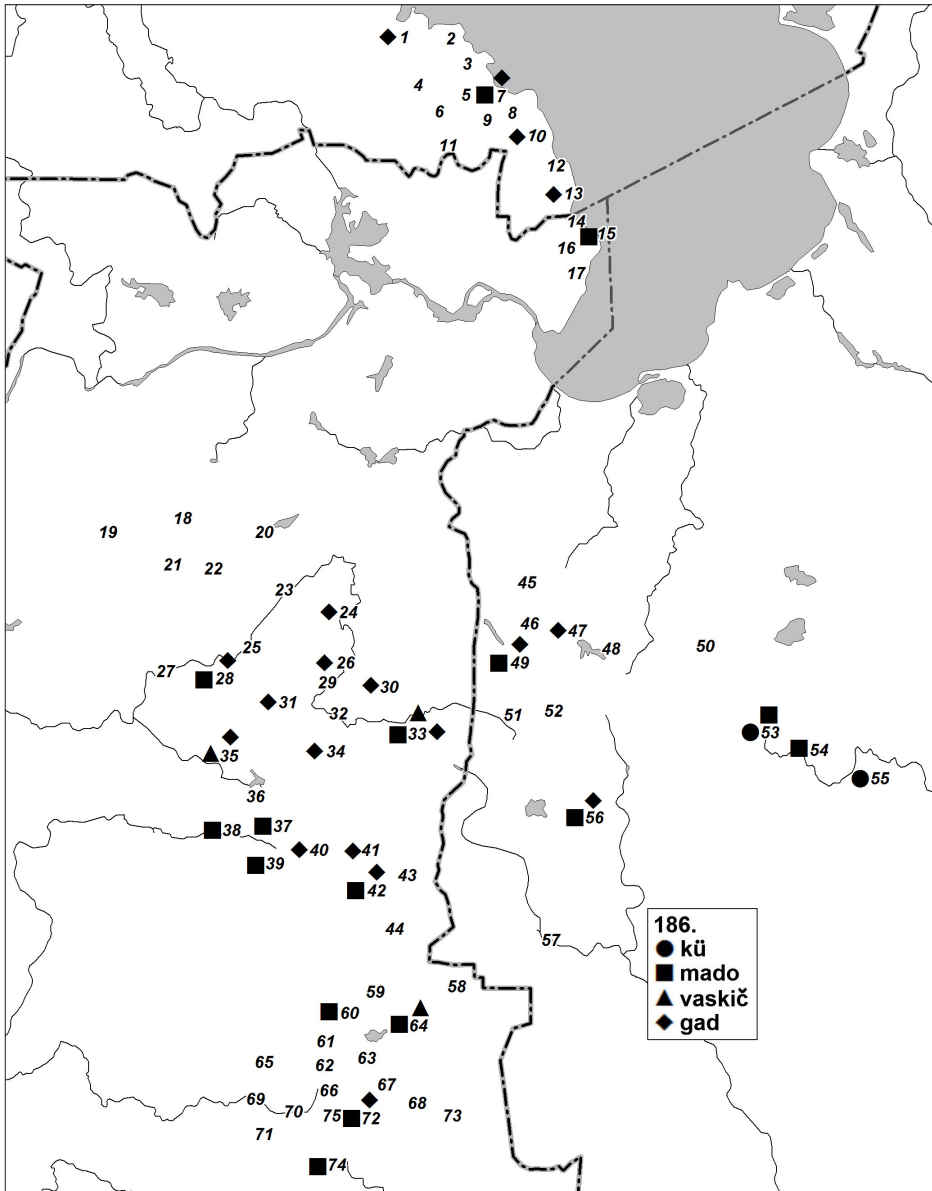
В южновепсском ареале змею называют еще отглагольным существительным *ujelii*, которое является субстантивированным причастием агента от глагола < *ujel-da* 'плавать; ползать', т. е. дословный перевод лексемой *ujelii* 'ползающий'. Это может служить и общим именованием понятия всего живого, передвигающегося ползанием.

В вепсский язык из русских народных говоров пришло слово *gad*, которое имеет славянские корни [23]. Судя по широкой представленности данной лексемой, она заимствована вепсским языком довольно давно и объединяет практически все диалектные ареалы, что свидетельствует о прочных связях вепсского языка с русскими народными говорами, внесшими существенный вклад в формирование вепсских диалектных ареалов.

Хочется отметить, что лексема *kii*, известная в восточновепсских периферийных говорах, широко представлена и за пределами прибалтийско-финского сообщества не только в мордовских, как уже было отмечено выше, но и в марийском, коми, удмуртском, даже венгерском и самодийских языках [34; 35]. Это приводит к вопросу о том, каким образом она сохранилась на самой окраине восточновепсского, довольно обрусевшего, периферийного ареала? Каким образом дошла до нас из древнего прибалтийско-финского времени? Не является ли она неким проводником финно-угорского поволжского влияния или тех говоров, той языковой среды, которая существовала некогда в Белозерье и пока не поддается окончательной идентификации (карта 4)?

Заключение

Таким образом, даже на материале трех лингвистических карт можно пронаблюдать, с одной стороны, развитие центральных ареалов вепсского языка, которые во многих случаях показывают стремление к возникновению и развитию различного рода собственных инноваций. С другой стороны, территории восточновепсского периферийного региона (говоры вепсов Бабаевского и Вытегорского районов Вологодской области), которые в их нынеш-

Карта 4. Именования понятия ‘змея’

нем состоянии находятся на самой окраине вепсского языкового ареала, в целом демонстрируют отчаянную волю к сохранению собственной языковой системы, и прежде всего лексики, являющейся наследием древневепсского языка. Будучи в названном пограничном регионе частично утраченным, вепское начало, тем не менее, проявляется в отдельных моментах, сказываясь на особенностях формирования диалектного ареала. Здесь сохранились многие собственные лексемы, уже ушедшие или практически забытые ины-

ми говорами: *tomu* ‘пыль’, *mod* ‘лицо’, *hul* ‘горячий’, *sai* ‘свадьба’, *kü* ‘змея’, *hobed* ‘мягкий’ и т. д. [10, 135–136, 155–159], нашедшими место на лингвистических картах. Все это подтверждает идею об особом стремлении окраинных говоров сохранить свою идентичность, свои особенности по сравнению с языками окружающего их населения.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

вепс. – вепсский язык;
рус. – русский язык;
фин. – финский язык.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ВЕПСКИХ ПУНКТОВ
 С ПРИСВОЕННЫМИ ИМ НОМЕРАМИ

74. **Arş** – **Arškaht'** (Радогощь), Бокситогорский район, Ленинградская область.
58. **Bor** – **Bor** (Саньков Бор), Бокситогорский район, Ленинградская область.
66. **Buš** – **Bušak** (Бошаково), Бокситогорский район, Ленинградская область.
61. **Čai** – **Čaigl** (Чайгино), Бокситогорский район, Ленинградская область.
43. **Čid** – **Čidoi** (Чидово), Подпорожский район, Ленинградская область.
20. **Čik** – **Čikl** (Чикозеро), Подпорожский район, Ленинградская область.
35. **En** – **Enar'v** (Вонозеро), Тихвинский район, Ленинградская область.
4. **Har** – **Haršom** (Габшема), Прионежский район, Республика Карелия.
39. **Har** – **Haragl** (Харогеничи), Тихвинский район, Ленинградская область.
16. **Him** – **Himd'ogi** (Гимрека), Прионежский район, Республика Карелия.
2. **Iš** – **Išan'** (Ишанино), Прионежский район, Республика Карелия.
38. **Jog** – **Jogens** (Усть-Капша), Тихвинский район, Ленинградская область.
26. **Jä** – **Järved** (Озера), Подпорожский район, Ленинградская область.
17. **Kal'I'** – **Kal'I'** (Щелейки), Подпорожский район, Ленинградская область.
21. **Kar** – **Karhil** (Каргиничи), Подпорожский район, Ленинградская область.
13. **Kas** – **Kaskesoja** (**Каскесручей**), Прионежский район, Республика Карелия.
18. **Kek** – **Kekar'** (Кекозеро), Подпорожский район, Ленинградская область.
57. **Ker** – **Kerčak** (**Керчаково**), Бабаевский район, Вологодская область.
54. **Kj** – **Kuja** (**Куя**), Бабаевский район, Вологодская область.
10. **Kl** – **Kaleig** (**Рыбрека**), Прионежский район, Республика Карелия.
37. **Kog** – **Kogbal** (Корбиничи), Тихвинский район, Ленинградская область.
44. **Korv** – **Korval** (Корвала), Подпорожский район, Ленинградская область.
27. **Kos** – **Koskenpä** (**Надпорожье**), Подпорожский район, Ленинградская область.
5. **Krik** – **Krik** (**Крюкова Сельга**), Прионежский район, Республика Карелия.
67. **Krl** – **Kortlaht** (Кортлахта), Бокситогорский район, Ленинградская область.
14. **Kuk** – **Kukagd'** (**Володарская**), Подпорожский район, Ленинградская область.
23. **Kuz** – **Kuzga** (Кузга), Подпорожский район, Ленинградская область.
33. **Ladv** – **Ladv** (**Ладва**), Подпорожский район, Ленинградская область.
59. **Lah** – **Laht** (Лакта), Бокситогорский район, Ленинградская область.
72. **Mai** – **Maigär'** (**Боброзеро**), Бокситогорский район, Ленинградская область.
69. **Mas** – **Maslagj** (Маслово), Бокситогорский район, Ленинградская область.
8. **Mec** – **Mecantaga** (Залесье), Прионежский район, Республика Карелия.
34. **Mg** – **Mäggär'** (Мягозеро), Подпорожский район, Ленинградская область.
11. **Ms** – **Matvejansel'g** (Матвеева Сельга), Прионежский район, Республика Карелия.
9. **Mäg** – **Mägi** (Горнее Шелтозеро), Прионежский район, Республика Карелия.
51. **Naž** – **Nazamgärv** (Нажмозеро), Бабаевский район, Вологодская область.
24. **Nem** – **Nemž** (**Немжа**), Подпорожский район, Ленинградская область.
22. **Nir** – **Nirgl** (Ниргиничи), Подпорожский район, Ленинградская область.
42. **Noid** – **Noidal** (Нойдала), Тихвинский район, Ленинградская область.
25. **Nor** – **Norj** (Норгина), Подпорожский район, Ленинградская область.
40. **Nür** – **Nürgl** (Нюрговичи), Тихвинский район, Ленинградская область.
36. **Ozr** – **Ozroil** (Озровичи), Тихвинский район, Ленинградская область.
31. **Pec** – **Pecoil** (Пелдуши), Подпорожский район, Ленинградская область.
19. **Peč** – **Pečal** (Печеницы), Подпорожский район, Ленинградская область.
63. **Pel** – **Peloo** (Пелдуши), Бокситогорский район, Ленинградская область.
15. **Per** – **Pervakat** (Урицкая), Подпорожский район, Ленинградская область.
48. **Pk** – **Püutkask** (Пелкаска), Вытегорский район, Вологодская область.
53. **Pnd** – **Pondal** (Пондала), Бабаевский район, Вологодская область.
75. **Pož** – **Požarišš** (Пожарище), Бокситогорский район, Ленинградская область.
56. **Päž** – **Päžar'** (Пяжозеро), Бабаевский район, Вологодская область.
41. **Reb** – **Rebagj** (Ребов Конец), Тихвинский район, Ленинградская область.
30. **Rih** – **Rihaluine** (Подовинники-Азмозеро), Подпорожский район, Ленинградская область.
12. **Tž** – **Toižeg** (Другая река), Прионежский район, Республика Карелия.
62. **Sar** – **Sar'** (Остров), Бокситогорский район, Ленинградская область.
68. **Sir** – **Sirj** (**Перелесок**), Бокситогорский район, Ленинградская область.
29. **Sj** – **Sarjärv** (Сарозеро), Подпорожский район, Ленинградская область.
64. **Sod** – **Sodjärv** (Сидорово), Бокситогорский район, Ленинградская область.
50. **Sär** – **Särgärv** (**Сяргозеро**), Бабаевский район, Вологодская область.
1. **Š** – **Šokš** (Шокша), Прионежский район, Республика Карелия.
46. **Sat** – **Satjärv** (**Шагозеро**), Вытегорский район,

- он, Вологодская область.
60. Šid – Šidjärv (Прокушево), Бокситогорский район, Ленинградская область.
47. Šim – Šimgär' (Шимозеро), Вытегорский район, Вологодская область.
32. Šon – Šondjal (Шондовичи), Подпорожский район, Ленинградская область.
7. Št – Šoutarv (Шелтозеро), Прионежский район, Республика Карелия.
65. Žar – Žarad (Жары), Бокситогорский район, Ленинградская область.
71. Ted – Tedroo (Тедрово), Бокситогорский район, Ленинградская область.
45. Tj – Torazgärv (Торосозеро), Бабаевский район, Вологодская область.
70. Tut – Tutuk (Сташково), Бокситогорский район, Ленинградская область.
52. Vah – Vahtkär' (Вахтозеро), Бабаевский район, Вологодская область.
6. Van – Vanhimsel'g (Вангимова Сельга), Прионежский район, Республика Карелия.
3. Veh – Vehkoja (Вехручей), Прионежский район, Республика Карелия.
73. Vg – Vaagedjärv (Белое озеро), Бокситогорский район, Ленинградская область.
28. Vil – Vil'häl (Ярославичи), Подпорожский район, Ленинградская область.
55. Vl – Voilaht (Войлахта), Бабаевский район, Вологодская область.
49. Vär – Väräsjärv (Кривозеро), Вытегорский район, Вологодская область.

Поступила 23.05.2017, опубликована 13.12.2017

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Богданов Н. И. История развития лексики вепсского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1952. 22 с.
2. Бродский И. В. Названия растений в финно-угорских языках (на материале прибалтийско-финских и коми языков). Санкт-Петербург: Наука. Санкт-Петербург. отд-ние, 2007. 210 с.
3. Вепсские ареальные исследования: сб. ст. / науч. ред. Н. Г. Зайцева, С. А. Мызников. Петрозаводск, 2013. 193 с.
4. Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов. Петрозаводск: ПетрГУ, 2006. 447 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955.
6. Жукова О. Ю. Вепсские обрядовые причитания: от поэтики жанра к поэтике слова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2015. 156 с.
7. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепсской речи. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. 296 с.
8. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 745 с.
9. Зайцева Н. Г. Младописьменный язык вепсов: периоды и перспективы развития // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н. И. Богданова). Петрозаводск, 2006. С. 119–135.
10. Зайцева Н. Г. Очерки вепсской диалектологии (лингвогеографический аспект). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016. 391 с.
11. Красная книга языков народов России: энцикл. слов.-справ. Москва: Academia, 1994. 116 с.
12. Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1991. 161 с.
13. Муллонен И. И. Большие озера маленького народа: идентификация по размеру в вепсской топонимии // Вепсские ареальные исследования. Петрозаводск, 2013. С. 130–144.
14. Муллонен М. И. Очерки вепсской топонимии. Санкт-Петербург: Наука. Санкт-Петербург. отд-ние, 1994. 156 с.
15. Муллонен И. И. Территория расселения и этнонимы вепсов // Прибалтийско-финские народы России. Москва, 2003. С. 342–349.
16. Муллонен И. И. Топонимия Присвирья. Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. 353 с.
17. Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Наука. Санкт-Петербург. отд-ние, 2007. 395 с.
18. Мызников С. А. Русские говоры Обонежья. Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. Санкт-Петербург: Наука. Санкт-Петербург. отд-ние, 2003. 540 с.
19. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. 495 с.
20. Словарь карельского языка (тверские говоры) / сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994. 396 с.
21. Словарь русских народных говоров. Санкт-Петербург: Наука. Санкт-Петербург. отд-ние, 1965–2016. Вып. 1–49.
22. Строгальщикова З. И. Вепсы в этнокультурном пространстве Европейского Севера. Петрозаводск: Периодика, 2016. 200 с.

23. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Москва: Прогресс, 1964–1973.
24. Ahlqvist A. Anteckningar i Nors-tschudiskan // Acta societatis scient. Fennicae. 1861. № 6. S. 49–78.
25. Atlas Linguarum Fennicarum, I–III. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, Alfe I, 2004; Alfe II, 2007; Alfe III, 2010.
26. Basilier Hj. Vepsäläiset Isajevan voolostissa // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. 1890. № 8. S. 42–84.
27. Grünthal R. Vepsän kielioppi. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2015. 347 s.
28. Häkkinen K. Nykysuomen etymologinen sanakirja. Juva: WS Bookwell Oy, 2007.
29. Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–2005. Osa I–VI.
30. Kettunen L. Lõunavepsa häälikajalugu: I. Konsonantid. II. Vokaalid. Helsingis: Soome Kirjanduse Seltsi trükikojas, 1922.
31. Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1944.
32. Lönnrot E. Om det Nord-tschudiska språket. Väitöskirja vepsän kielestä vuodelta 1853. Juminkeko: Juminkeon julkaisuja, 2002. № 24. 54 s.
33. Mägiste J. Estnisches etymologisches Wörterbuch. Helsinki, 1983. Osa I–XII.
34. Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1955–1981. Osa I–VII.
35. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. Jyväskylä: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000. Osa I–III.
36. Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia. Helsinki, 1946. № 8, 228. 922 s.
37. Vepsa vanasõnad / koostanud V. Mälk, A. Hussar, A. Kährik, T. R. Viitso. Tallinn: Eesti Teaduste Akademia, Keele ja Kirjanduse Instituut, 1992. Osa I–II.
38. Äänisvepsän näytteitä / keränneet ja julkaisset A. Sovijärvi ja R. Peltola. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1982.

DIALECTS OF THE VEPSIAN LANGUAGE IN THE CONTEXT OF LINGUISTIC GEOGRAPHY

ZAITSEVA Nina G.

Doctor of Philology, Head of the Linguistics Sector, Institute of Language, Literature and History Karelia Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), zng@ro.ru

Introduction. The Vepsian language is a language of a minority nation, which has been in a focus of quite successful process of revitalization. Since 2012 a work on “Vepsian linguistic atlas” has been carried out aiming at elucidation of an issue of Finnic protolanguage fonetec, grammatic and lexical reflexes, an innovative Vepsian material, results of language contacts and finally of the problems of Vepsian dialect area forming.

Materials and Methods. Within linguistic geography method the research material is a Vepsian dialect material collected by means of a special questionnaire of “Vepsian linguistic atlas” as well as from various archives and published materials with a clear record system and determined locations of the dialect material.

Results and Discussion. The article presents research study of Vepsian dialects and dialect history. It describes some principles of “Vepsian linguistic atlas” based on three linguistic maps (Vepsian names for ‘soft’, ‘garret’, ‘snake’), which show the etymology of Vepsian lexical reflects of the Finnic protolanguage or Finno-Ugric languages, its innovative character and borrowings.

Conclusion. The presented materials allow to observe the development of Vepsian central areas, which often demonstrate ancient reflexes of Finnic protolanguage together with formation of various innovations. From the other side, peripheral territories (Vepsian Eastern dialects of Babayevo district of Vologda region), located on the border of Vepsian language area, currently demonstrate a strong will to save own language system and lexicon, a heritage of the Vepsian ancient language. Vepsian substrate, which is said to be partially lost in the border territories, appear in lexemes almost forgotten in some even central dialects, influencing Vepsian dialect area’s formation. This supports an idea of a special longing of the border territories to preserve own identity, own characteristics in comparison with the population around.

Key words: Vepsian language; linguistic geography; language areas; etymology.

For citation: Zaitseva NG. Dialekty vepsskogo iazyka v kontekste lingvisticheskoi geografii [Dialects of the Vepsian language in the context of linguistic geography]. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2017; 3: 6–22. (In Russian)

REFERENCES

1. Bogdanov NI. Istoriia razvitiia leksiki vepsskogo iazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [History of the development of Vepsian language vocabulary. Abstract of cand. philol. sci. dis.]. Leningrad; 1953. (In Russian)
2. Brodskii IV. Nazvaniia rastenii v finno-ugorskikh iazykakh (na materiale pribaltiiskofinskikh i komi iazykov) [Names of plants in the Finno-Ugric languages (on the material of the Baltic-Finnish and Komi languages)]. Sankt-Peterburg; 2007. (In Russian)
3. Vepsskie areal'nye issledovaniia: sb. st. [Vepsian Areal Studies. Digest]. Petrozavodsk; 2013. (In Russian)
4. Vinokurova Iu. Zhivotnye v traditsionnom mirovozzrenii vepsov [Animals in the traditional world view of the Veps]. Petrozavodsk; 2006. (In Russian)
5. Dal' VI. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka: v 4 t. [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vol.]. Moskva; 1955. (In Russian)
6. Zhukova Olu. Vepsskie obriadove prichitaniiia: ot poetiki zhanra k poetike slova [Vepsian ritual lamentations: from the poetics of the genre to the poetics of the word]. Petrozavodsk; 2015. (In Russian)
7. Zaitseva MI, Mullonen MI. Obraztsy vepsskoi rechi [Samples of Vepsian speech]. Leningrad; 1969. (In Russian)
8. Zaitseva MI, Mullonen MI. Slovar' vepsskogo iazyka [Vepsian Dictionary]. Leningrad; 1972. (In Russian)
9. Zaitseva NG. Mladopis'mennyi iazyk vepsov: periody i perspektivy razvitiia [The written language of Veps: periods and prospects of development]. *Sovremennaia nauka o vepsakh: dostizheniia i perspektivy (pamiati N. I. Bogdanova)* = Modern science of the Veps: achievements and perspectives (in memory of NI. Bogdanov). Petrozavodsk; 2006: 119–135. (In Russian)
10. Zaitseva NG. Ocherki vepsskoi dialektologii (lingvogeograficheskii aspekt) [Essays on Vepsian dialectology (linguogeographical aspect)]. Petrozavodsk; 2016. (In Russian)
11. Krasnaia kniga iazykov narodov Rossii: entsikl. slov.-sprav. [The Red Book of the Languages of the Peoples of Russia. Encyclo-

- paedic dictionary-reference]. Moskva; 1994. (In Russian)
12. Mamontova NN, Mullonen II. Pribaltiisko-finskaia geograficheskaia leksika Karelii [The Baltic-Finnish geographical vocabulary of Karelia]. Petrozavodsk; 1991. (In Russian)
  13. Mullonen II. Bol'shie ozera malen'kogo naroda: identifikatsiia po razmeru v vepsskoi toponimii [Large Lakes of a Small People: Identification by Size in the Veps Toponymy]. *Vepsskie areal'nye issledovaniia* = Vepsian Areal Studies. Petrozavodsk; 2013: 130–144. (In Russian)
  14. Mullonen MI. Ocherki vepsskoi toponimii [Essays on the Veps toponymy]. Sankt-Peterburg; 1994. (In Russian)
  15. Mullonen II. Territoriiia rasseleniia i etnonimy vepsov [Territory of settlement and ethnonyms of the Vepsians]. *Pribaltiisko-finskie narody Rossii* = The Baltic-Finnish peoples of Russia. Moskva; 2003: 342–349. (In Russian)
  16. Mullonen II. Toponimiiia Prisivir'ia. Problemy etnoiazыkovogo kontaktirovaniia [Toponymy of Prisivire. Problems of ethno-linguistic contacting]. Petrozavodsk; 2002. (In Russian)
  17. Myznikov SA. Atlas substratnoi i zaimstvovanoi leksiki russkikh govorov Severo-Zapada [Atlas of the substrate and borrowed vocabulary of the Russian dialects of the Northwest]. Sankt-Peterburg; 2007. (In Russian)
  18. Myznikov SA. Russkie govory Obonezh'ia. Areal'no-etimologicheskoe issledovanie leksiki pribaltiisko-finskogo proiskhozhdeniia [Russian dialects of the Obonezhye. Areal-etymological study of the vocabulary of the Baltic-Finnish origin]. Sankt-Peterburg; 2003. (In Russian)
  19. Slovar' karel'skogo iazyka (livvikovskii dialekt) [Dictionary of the Karelian language (Livvik dialect)]. Petrozavodsk; 1990. (In Russian)
  20. Slovar' karel'skogo iazyka (tverskie govory) [Dictionary of the Karelian language (Tver dialects)]. Petrozavodsk; 1994. (In Russian)
  21. Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Sankt-Peterburg; 1965–2016; 1–49. (In Russian)
  22. Strogal'shchikova ZI. Vepsy v etnokul'turnom prostranstve Evropeiskogo Severa [Veps in the ethno-cultural space of the European North]. Petrozavodsk; 2016. (In Russian)
  23. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka: v 4 t. [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vol.]. Moskva; 1964–1973. (In Russian)
  24. Ahlqvist A. Anteckningar i Nors-tschudiskan. Acta societatis scient. Fennicae. Helsinki; 1861; 6: 49–78. (In Sweden)
  25. Atlas Linguarum Fennicarum. Helsinki; 2004, I; 2007, II; 2010, III. (In Finnish)
  26. Basilier Hj. Vepsäläiset Isajeven voolestissa. *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja*. Helsinki; 1890; 8: 42–84. (In Finnish)
  27. Grünthal R. Vepsän kielioppi. Helsinki; 2015. (In Finnish)
  28. Häkkinen K. Nykysuomen etymologinen sanakirja. Juva; 2007. (In Finnish)
  29. Karjalan kielen sanakirja. Helsinki; 1968–2005; I–VI. (In Finnish)
  30. Kettunen L. Lõunavepsa häälikajalugu: I. Konsonantid. II. Vokaalid. Helsingis; 1922. (In Estonian)
  31. Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki; 1944. (In Finnish)
  32. Lönnrot E. Om det Nord-tschudiska språket. Väitöskirja vepsän kielestä vuodelta 1853. Juminkeko; 2002; 24. (In Sweden)
  33. Mägiste J. Estnisches etymologisches Wörterbuch. Helsinki; 1983; I–XII. (In German)
  34. Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki; 1955–1981; I–VII. (In Finnish)
  35. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. Jyväskylä; 1992–2000; I–III. (In Finnish)
  36. Tunkelo EA. Vepsän kielen äännehistoria. *Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia*. Helsinki; 1946; 8: 228. (In Finnish)
  37. Vepsa vanasõnad. Tallinn; 1992; I–II. (In Estonian)
  38. Äänisvepsän näytteitä. Helsinki; 1982. (In Finnish)